как совокупность государственных структур и на народ как источник власти и носитель суверенитета.

Между прямым и косвенным объектом должна существовать определенная социально-политическая зависимость, благодаря которой субъектом террористической деятельности предполагается реакция прямого объекта при воздействии на косвенный. Эта связь может носить как властный характер (например, органы государственной власти – население страны), так и опосредованный (например, соотечественники, проживающие за пределами своего государства, – властные структуры этого государства).

Такой подход позволяет рассматривать террор и терроризм не как обобщающие политические определения, а выделять их сущность в рамках устоявшихся общепринятых норм и терминов, закрепленных в унифицированных международных, национальных нормативных и научных документах. При этом ряд других явлений, имеющих самостоятельное содержание (война, военное вмешательство, информационное противостояние, репрессии, организованная преступность, геноцид, партизанское движение, наемничество, применение оружия массового поражения и т. п.), может при квалифицирующих обстоятельствах выступать в виде явлений с признаками террора, т. е. направленности на устрашение с политической составляющей.

В случае выделения этих характеристик любое проявление террора, терроризма и других процессов и явлений, при определенных конкретных условиях можно будет определять как терророгенные, что, в свою очередь, должно предусматривать более строгую ответственность, санкции и иные формы реагирования государства. Таким образом, более адекватным реальному содержанию терроризма представляется использование понятия «терророгенность» как *специфического состояния общественных отношений, обусловленного целями и задачами, достигаемыми воздействием на властно-политическую среду (прямой объект) при помощи насилия, направленного преимущественно на имеющий политико-идеологическую связь с прямым объектом косвенный объект, которыми являются мирное население и гражданская инфраструктура государства. При этом общественное сознание косвенного объекта трансформировано запугиванием, страхом, ужасом, что ведет к дестабилизации институциализированной общественно-политической жизнедеятельности.*

В ходе разработки понятия «терророгенность» была изучена возможность использования применяемых в некоторых научных исследованиях [8] и учебно-методических решениях [9] по тематике борьбы с терроризмом термины «террология» и «террогенность». Сделан вывод об их несоответствии содержательному значению в связи с невозможностью сокращения слова «террор» до неполного корня «терро-», что предполагает понятие «наука о терре» – «наука о земле», не имеющее отношения к рассматриваемому вопросу.

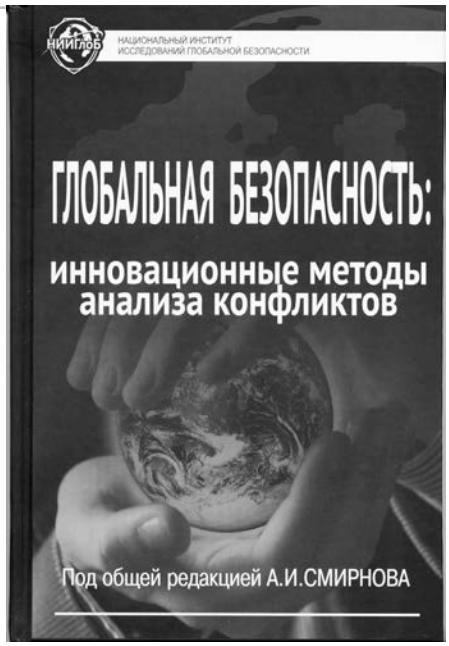
Литература

1. *Володин А.Г., Коновалов В.Н.* Международная безопасность и проблемы терроризма. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002.
2. *Аристотель.* Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998. С.1112.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ.
4. *Анохин П.К.* Узловые вопросы теории функциональной системы. М.: Наука, 1980.
5. *Субетто А.И.* Системогенетика и теория циклов. М., 1994.
6. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2003.
7. *Белоножкин В.И., Остапенко Г.А.* Информационные аспекты противодействия терроризму. М., 2011.
8. *Литвинов Н.Д.* Террология. Террор и агентура. Новосибирск: РИФ, 2007.
9. Будущие саратовские юристы будут изучать террологию // URL: http://rusk.ru/newsdata.php?idar=317321.

НОВАЯ КНИГА

Глобальная безопасность:
инновационные методы анализа конфликтов

Под общей редакцией А.И. Смирнова. М.: Общество «Знание России», 2011. 272 с.

Важнейшим звеном государственного управления на всех уровнях является процесс принятия решений – оперативных, тактических, стратегических. Этот процесс неизбежно связан с определенной долей ошибок, зачастую ведущих к непредсказуемым последствиям и требующих значительных средств и усилий на их исправление. Цена ошибки возрастает пропорционально уровню, на котором она совершена.

Авторы рассматриваемой работы, изданной под эгидой Национального института исследований глобальной безопасности, не учат, как принимать решения. Их задача – показать, как формируется информационная база, на основании которой решения принимаются.

Именно недостаточность традиционных методов вызвала к жизни «инновационные методы анализа конфликтов» (таков подзаголовок книги). Это обусловлено и усложнением самой ситуации в такой важнейшей сфере, как глобальная безопасность, и теми возможностями обновления методов анализа и информационной базы, которые дает современная научно-техническая революция. Просчитывание всех гипотетических вариантов действий и облегчает, и усложняет процесс принятия решений.

Не случайно исследование начинается с раздела «К матрице глобальной безопасности: основные этапы, тренд и понятия». Безопасность неделима, любая концепция национальной безопасности отражает определенное понимание безопасности глобальной, а также свою национальную оценку вызовов и парадигм XXI в. Все на словах согласны с тем, что проблема глобальной безопасности является сегодня важнейшей. Но практика пока неутешительна, реальных шагов мало, что со всей очевидностью демонстрируют проанализированные авторами национальные концепции безопасности ведущих стран, близких и далеких от России.

Все эти концепции объединяет понимание, что международные отношения усложняются прежде всего из-за роста числа конфликтов и изменения их характера. Именно конфликты, наверное, будут составлять основные вызовы и парадигмы национальной и глобальной безопасности нашего века. Базовые исторические и научные подходы к их анализу, рассмотренные во второй главе, пока сохраняют эффективность, но их уже явно недостаточно. Новые времена, новая ситуация, новые возможности рождают «инновационные методы анализа глобальной безопасности». Само их выявление и анализ позволяют говорить об инновационном подходе к проблеме.

Ситуационные центры, выросшие из ситуационных анализов (поправим авторов – ситанализы Е.М. Примакова были рутинными событиями в ИМЭМО АН СССР), ситуационно-кризисные центры успешно работают в России, США, европейских странах. Плодотворно функционируют международные центры, рассмотренные авторами на примере Международного ситуационного центра анализа агрессивных воздействий на окружающую среду (РАГС – Университет Пармы).

Однако новое время рождает новые возможности, поэтому в книге особое внимание уделяется результатам апробации мониторинговой и информационно-аналитической системы «Ангара», геоинформационным системам и их роли в конфликтологии, системам пространственного позиционирования.

Таким образом, авторы подводят к методам прогнозирования развития международных конфликтов на примере фазово-факторной модели международного конфликта. В предыдущих разделах было дано оригинальное определение международного конфликта и его развития, приведена их типология. Особого внимания заслуживает раздел, где определяется новый характер конфликтов. На основе инновационных методов анализа предлагается «Общая схема прогнозирования развития международного конфликта»: метод расчета степени влияния факторов; метод расчета степени целесообразности использования источников информации; метод оценки вероятности свершения факторов и т. д.

Описание методики компьютерного прогнозирования развития международного конфликта иллюстрируется на примере информационно-поисковой системы «Истра-2006» и комплексов Института экономических стратегий (ИНЭС). По мнению авторов, эти информационно-аналитические программные комплексы являются надежной поддержкой принятия решений в сфере международных отношений.

Создание информационной базы принятия управленческих решений при помощи инновационных методов анализа демонстрируется на примере сценариев развития ситуации в Арктике, которую авторы книги рассматривают как «кухню» глобального политического климата, подчеркивая при этом роль информационной базы для принятия решений о сотрудничестве в Арктике между Россией и Норвегией.

Проблемы международной информационной безопасности представляют собой дальнейшее развитие положений, уже давно разрабатываемых А.И. Смирновым (см.: *Смирнов А.И.* Информационная безопасность и Россия: вызовы и возможности. М.: 2005). Здесь же с новой точки зрения трактуется мутация терроризма как вид асимметричной войны.

Особо выделяется «цифровой джихад», или информационный терроризм, – форма «негативного воздействия на личность, общество, государство всеми видами информации» (с. 198). «Он может осуществляться разнообразными силами и средствами – от агентуры иностранных спецслужб до внутренних и зарубежных СМИ» (там же). Наиболее разрушительной силой обладает «использование информационного оружия против информсистем критически важных объектов противника» (там же).

Положение о «цифровом джихаде» служит мостиком к интереснейшему заключительному разделу о кибероружии и реальности информационных войн на базе национальных концепций и доктрин (США, Китай, Индия, Северная Корея и др.). Эти страны имеют готовые доктрины информационных войн и схемы применения информационного оружия. Все это нацелено на обеспечение национальных интересов не только в информационной сфере, но и национальной безопасности в целом.

Доктрины информационной войны ряда стран включают в себя как оборонительные мероприятия, так и наступательные операции. «Киберопасность … становится стратегическим направлением … в системах обеспечения национальной безопасности» (с. 210). Авторы подчеркивают, что «в ближайшее время мы можем стать свидетелями появления в киберпространстве информационных кампаний нового уровня… способных вывести из строя не только киберпространство противника, но и его критически важные инфраструктуры» (там же).

В заключении авторы не подводят итоги. Они анализируют новейшие инструменты инноватики – методологию форсайта и интегрального прогнозирования глобальной безопасности (с. 219-224).

В книге, как уже отмечалось, нет готовых рецептов принятия решений. Ценность исследования в другом: обязательное владение новыми методами анализа требует изменения содержания подготовки тех, кто принимает решения сегодня и будет принимать их завтра.

Владимир ДАХИН – доктор исторических наук, профессор